

«ЦАРЬ КРЫМСКИЙ ПРИШЕЛ КО БРЕГУ ОКЫ-РЕКЫ С ВЕЛИКОЮ ПОХВАЛОЮ И С МНОЖЬСТВОМ ВЪИНЪСТВА СВОЕГО...»

Стояние на Оке в 1541 году

Аннотация. В данной статье на основе анализа многочисленных источников литературы реконструируются события лета 1541 года, когда крымский хан Сахиб-Гирей I предпринял крупномасштабный поход на Москву. Хан рассчитывал разбить русские войска и повторить успех своего брата Мухаммед-Гирея, опустошившего в 1521 году окрестности Москвы и взявшего с Василия III обязательство выплачивать в знак подчинения большую дань.

Ключевые слова: Россия; военное дело; XVI в.; русско-крымские войны.

Summary. This article, based on the analysis of multiple sources of literature, reconstructs the events of the summer of 1541, when the Crimean Khan Sahib-Giray I undertook a large-scale march to Moscow. The Khan hoped to smash the Russian army and to repeat the success of his brother Muhammad Giray, who devastated the outskirts of Moscow in 1521 and took Vasily III's obligation to pay tribute as a sign of submission.

Keywords: Russia; soldiery; XVI century; Russian-Crimean wars.

О ПРОИЗОШЕДШЕМ в 1541 году «стоянии на Оке» сохранилось немало свидетельств того времени. Первое место занимают русские летописи — Никоновская, Воскресенская, Львовская и др.¹ Но при всей обширности летописной традиции им присущ один недостаток — каждое из этих сказаний является беллетризованной «повестью» о данном событии. Более интересны сухие записи в разрядных книгах, существенно дополнившие летописное повествование². Дополнительные штрихи в него вносят акты материалы и дипломатические документы³.

К сожалению, то, что произошло холодным летом⁴ 1541 года, не нашло должного отражения в отечественной историографии⁵, хотя этот сюжет достоин античной трагедии. Ведь тогда на берегах Оки встретились два брата. Один, подобно Полинику, пришёл на Русь с крымским войском «доставати дедизны и отчизны своее», а другой, как Этеокл, встал на защиту Отечества во главе московской рати⁶. Конечно, было бы неверным утверждать, что эта страница истории осталась совсем уж незамеченной. Ещё в конце XVII столетия её кратко коснулся в своей «Скифской истории» стольник А.И. Лызлов⁷. Вспомнили о ней В.Н. Татищев и М.М. Щербатов⁸. В первой половине XIX века эту традицию продолжили Н.М. Карамзин и Н.А. Полевой, переработавшие летописную повесть в соответствии с литературными вкусами того времени⁹. Затем к описанию 1541 года обратились такие титаны русской исторической науки XIX века, как С.М. Соловьёв и Д.И. Иловайский¹⁰. Но с их уходом фактически завершилась эпоха написания трудов, охватывающих все периоды оте-

чественной истории, и учёные сосредоточились на исследовании частных вопросов. Показательно, что даже такой знаток XVI века, как Р.Г. Скрынников, в двух своих последних обобщающих работах по этому периоду ни словом не обмолвился о «стоянии на Оке»¹¹. Другой крупный советский историк А.А. Зимин также буквально одной строкой отметил это событие¹². По существу, из отечественных исследователей последней четверти минувшего столетия лишь В.В. Каргалов, В.А. Волков и В.П. Загорский попытались дать более или менее полное описание рассматриваемых событий¹³.

Отметим, что среди всех исследований особняком стоит работа В.Д. Смирнова¹⁴. В разделе, посвящённом правлению Сахиб-Гирея, он дал яркое описание его похода на Москву, уточняющее благодаря использованию труда придворного хрониста Сахиб-Гирея Реммалля-ходжи русскую версию истории этого конфликта.

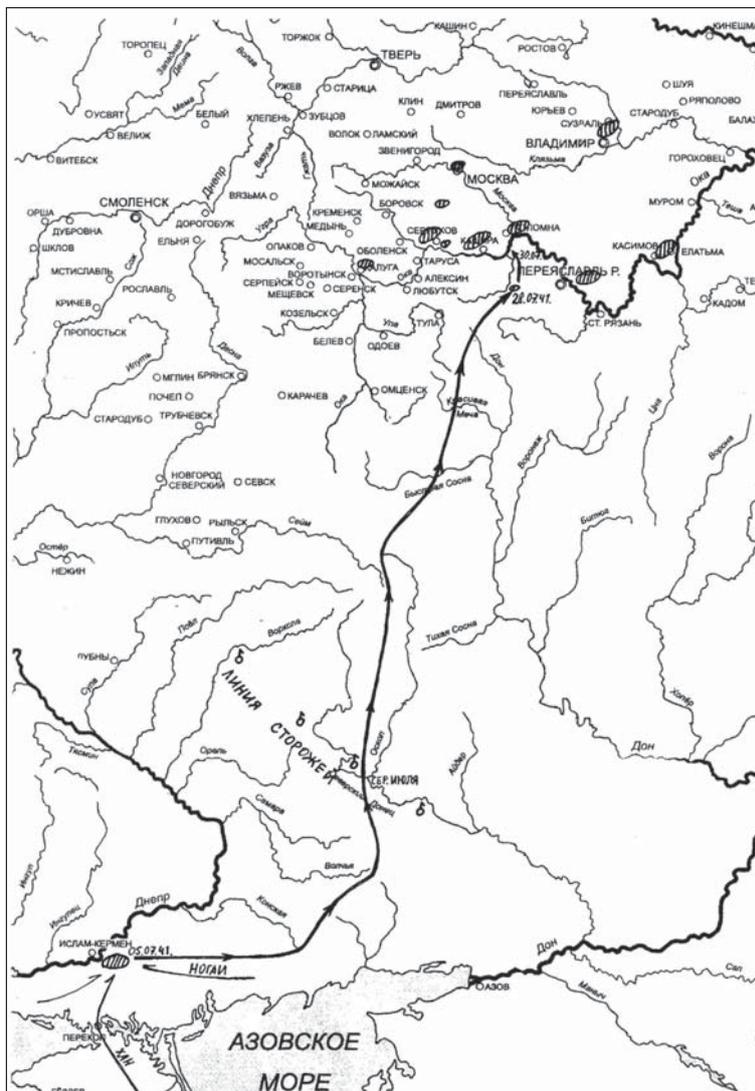
Попытаемся хотя бы отчасти восполнить данный пробел, и для начала небольшая предыстория. Вторая половина 30-х — первая половина 40-х годов XVI века вошли в историю Русского государства как эпоха «боярского правления». После смерти великого князя владимирского и московского Василия III (1533) боярские кланы вступили в ожесточённую борьбу за власть друг с другом. Начавшееся в стране «нестроение» не могли не заметить Литва, Казань и Крым, которые попытались использовать представившийся им шанс взять реванш за прежние неудачи в борьбе с Москвой.

Первой это сделала Литва, начавшая летом 1534 года так называемую Стародубскую войну, продлившуюся до 1537 года. Эта

война потребовала от России весьма серьёзных усилий, и, сосредоточив основное внимание на борьбе с Литвой, в отношениях с Крымом и Казанью она временно перешла к оборонительной стратегии.

Эту перемену заметили в Казани, где в 1535 году к власти пришёл ставленник «крымской» партии хан Сафа-Гирей. Как следствие этого, на восточной границе Русского государства снова возобновились набеги казанцев. В ответ правительство Елены Глинской (матери и регентши малолетнего великого князя Ивана IV) решило весной 1538 года организовать крупномасштабную военную экспедицию на Казань¹⁵. Сафа-Гирей поспешил обратиться за помощью к своему дядюшке воинственному крымскому хану Сахиб-Гирею I, который не отказал племяннику в поддержке¹⁶. Однако начавшиеся переговоры не привели к долгожданному миру. Набеги возобновились. И когда в начале мая 1541 года в Москву прибыли посланцы от казанского «князя» Булата и его единомышленников, сообщившие, что «московская» партия готова свергнуть Сафа-Гирея, но нуждается в русской военной помощи, упускать такую возможность московские бояре не захотели. В ожидании вестей от этих «заговорщиков» во Владимир был послан воевода князь И.В. Шуйский с товарищами и «многими людьми дворовыми, и городовыми 17 городов»¹⁷. Так в преддверии крымского нашествия русские силы оказались разделены.

Не менее напряжёнными были и отношения Москвы с Крымом. К началу 1530-х годов смутное время в «Велком улусе», наступившее после того, как Мухаммед-Гирей I был убит в 1523 году ногайцами, подошло к концу. В сен-

Карта 1. Поход Сахиб-Гирея и развёртывание русских войск на берегу Оки летом 1541 г.

тябре 1532-го на крымский трон взошёл хан Сахиб-Гирей I, давний враг Москвы. Правда, первое время ему было не до войны, но, победив оппозицию, хан решил, что настал час напомнить «москвиту» об имперских притязаниях Крыма. И тут как нельзя кстати оказалась просьба Сафа-Гирея. В своих грамотах, отправленных Ивану IV, крымский хан недвусмысленно заявил, что «Казанская земля мои юрт», «Сафа Гирей царь брат мне», и если русский великий князь не замирится с казанцами и не пришлёт в Крым своего «большого посла» с богатой «казной», то пусть ждёт к себе крымскую рать¹⁸.

К счастью для русских, Сахиб-Гирей не сразу смог реализо-

вать свои угрозы. Однако совсем без внимания северное направление крымский «царь» не оставил и поздней осенью 1539 года отправил в набег своего сына Эмин-Гирея¹⁹. Русские не ждали татар, и потому поход «царевича» увенчался успехом²⁰. Правда, командовавший небольшим русским войском (3 полка, 5 воевод, не более 2000—2500 всадников²¹) на Рязанщине князь С.И. Микулинский-Пунков сумел разбить отдельные татарские «загоны» и взял «языков», но не решился вступить в схватку с главными силами Эмин-Гирея. «Царевич» ушёл с большим полком, и лишь рано начавшаяся суровая и снежная зима вку-

пе с нападением ногаев нанесли ему существенный урон²².

Между тем в русско-крымские отношения вмешалась «третья сила» в лице князя Семёна Бельского, бежавшего ещё летом 1534 года в Литву. Когда князь понял, что триумфальное возвращения в Москву при литовской поддержке не будет, то решил поискать нового союзника в борьбе за свою «дедизну и отчизну» и примерно в 1539 году оказался в Крыму. Здесь он попытался склонить хана и его окружение к организации похода на Москву, не скупясь на подарки и обещания²³. Сахиб-Гирей не мог не оценить по достоинству «подарок» в лице князя-эмигранта. Ведь на приёме у хана князь Семён пообещал ему ни много ни мало, а показать броды на Оке²⁴. Если верить Реммалю-ходже, услышав эти слова, крымский «царь» немедленно приказал начать подготовку к походу с таким расчётом, чтобы, когда он скажет, «в три дня было собрано войско». Одновременно Сахиб-Гирей потребовал, чтобы воины готовились к долгому 3-месячному походу²⁵.

Под прикрытием интенсивных дипломатических контактов с Москвой²⁶ крымский «царь» начал готовить нашествие. Но его приготовления благодаря московским добротам в Крыму не остались в тайне. Московские бояре не оставили надежды решить конфликт дипломатическими методами, попытавшись даже использовать князя Семёна, которому за содействие в примирении Сахиб-Гирея и Ивана IV было обещано полное прощение. Однако, памятуя о переменчивости ханского настроения, в Москве не забывали и о военных приготовлениях. Часть детей боярских и прочих служивых людей весной 1541 года заранее была оповещена о необходимости быть готовыми к походу попервомузову, а часть — проживавшие в дальних городах — заблаговременно собрались в окрестностях Коломны²⁷.

Последнее русское посольство вместе с ханским послом Хаджи-Ферхадом убыло в Крым в мае 1541 года, но хана они уже не застали — он «всел на коня», покинул Крым и встал под крепостью Ислам-Кермен в низовьях Днепра, где ждал, пока наконец соберётся вся его рать²⁸. Два бежавших из Крыма полоняника, Яким Иванов человек Любучанинова и его товарищ, донесли весть об этом в русскую столицу. Беглецы сообщили, что «царь

(Сахиб-Гирей. — В.П.) забыл своей правды и дружбы, нача на-ряжаться на Русь и с своим сыном царевичем Мен-Гирем, и всю Орду с собою поведе...»²⁹. В Москве поняли, что теперь войны точно не избежать. С целью разведать маршрут движения врага в Путивль и Рылск тамошним воеводам Ф.Г. Очин Плещееву и князю П.И. Кашину были отправлены предписания послать «станицу в Поле поперег дорог»³⁰. Тем временем 5 июля* 1541 года полки Сахиб-Гирея начали марш на север³¹.

Примерно в середине июля высланные из Рылска станичники встретились с татарскими авангардами. Станичный атаман Гаврила Толмач немедленно отправил гонца в Зарайск, куда тот прибыл 19—20 июля, а 21 июля весть о появлении татар уже достигла столицы³². 25 июля в Москву прискакал сам Гаврила Толмач, сообщивший, «что посылал его князь Петр Иванович Кашин к Святым горам, и они до тех урочищ еще не дошли, а наехали верх-Донца Северского люди многие Крымские и гоняли за ними день цел, а идут тихо; и тою приметою чаяти, царь идет»³³.

Какова же была численность орды? Русские летописи единогласно описывают её в превосходных степенях: идёт де крымский «царь», «забыв своей правды и дружбы... и с своим сыном царевичем с Менгиреем, и всю орду с собою поведе, а остави в орде стара да мала; да с царем же князь Семен Белской, и многих орд люди, турецкого царя люди, и с пушками и с пищальми, да и з нагай Бакий князь с многими людьми, да кафинцы, и азтороканцы, и азовцы и белгородчи...», и всей силы татарской с «царем» «тысеч со сто и боле»³⁴. Однако называемые летописцами цифры представляются существенно завышенными. Хан не мог оставить Крым беззащитным, поскольку его отношения с ногаями были достаточно напряжёнными, и он помнил о том, как астраханцы совершили успешный набег на Крым тогда, когда Мухаммед-Гирей воевал в окрестностях Москвы. Не стоит преувеличивать численность некрымских отрядов, выступивших с ханом в поход — «кафинцев, и азтороканцев, и азовцев и белгородцев». Они не были подданными хана, и потому в набег отправились, скорее всего, «казаки» — добровольцы, вольные люди и, возможно, отдельные мурзы со своими нокерами.

* Здесь и далее даты даны по старому стилю.

Турки также, скорее всего, если и принимали участие в походе, то как военные специалисты (пушкари), советники и наблюдатели в составе ханской свиты. Видимо, некрымский компонент татарской рати насчитывал не более 5000 человек³⁵.

Осталось определить численность собственно татарской рати, что выставил Сахиб-Гирей под своими знамёнами. Сопоставив данные по некоторым татарским походам того времени³⁶, можно сказать, что нижний предел численности татарского войска составлял при тотальной мобилизации 30 тыс. человек, а верхний — 40 тыс. Следовательно, учитывая потери, понесённые татарами в предыдущих походах, в московской экспедиции 1541 года могли принять участие до 40 тыс. воинов, в том числе до 1000 мушкетёров-тофенгчи с 60 небольшими пушками-зарбузанами (фальконетами) и примерно с 200 повозками, снабжёнными деревянными щитами с бойницами, не считая прочего обоза³⁷.

В Москве более чем ответственно отнеслись к тревожным известиям с границы. Князь Иван Бельский, игравший, судя по всему, главную роль в управлении страной к этому времени, не теряя ни минуты, развил бурную деятельность по организации обороны города. Немедленно после того, как поступили первые известия о приближении орды к русской границе, от имени великого князя он начал «розряжати воевод своих на берег ко Оке реке»³⁸. Главкомандующим полками на Оке был назначен старший брат Ивана князь Дмитрий Бельский. Ответственность, тяжким грузом лёгшая на плечи последнего, была тем больше, если вспомнить о том, кто ехал к Москве в обозе крымского «царя»! Их родной брат, о прощении которого незадолго до этого они ходатайствовали перед митрополитом и царём, вёл татар на Русь! Не стоит забывать и о том, что борьба за власть на московском политическом олимпе только приутихла, но отнюдь не завершилась. Для Ивана и Дмитрия Бельских было ясно, что от исхода битвы на берегах Оки зависела судьба не только их самих, но и всех их родичей и потомков. Их противники, и прежде всего князь Шуйские, не простили бы им поражения.

Исходя из сообщений разрядных книг и летописей складывается следующая диспозиция

русских полков. Главная группа из 5 полков с 11 воеводами³⁹ развернулась на «берегу», опираясь флангами на две мощные крепости — серпуховскую и коломенскую. Передовой полк воевод князей И.И. Турунтая Пронского и В.Ф. Охлябинина остался под Коломной, сам Д.Ф. Бельский с главными силами выдвинулся в район Каширы, отправив часть сил ещё западнее, под Серпухов. В тылу у него, на Пахре, встал «полк», составленный из дворян великого князя и их людей, во главе с боярином князем Ю.М. Булгаковым и шибанским «царевичем» Шах-Али⁴⁰. Ещё один «полк» во главе с князем Р.И. Одоевским (всего 4 воеводы) занял позиции под Калугой⁴¹. 4 воеводы встали под Рязанью, а ещё 2 — в Зарайске⁴². Известно также, что 2 воеводы были в Серпухове и 1 — на Сенкином перевозе под Серпуховом⁴³.

Таким образом, между Калугой и Рязанью по Оке были собраны полки под началом 24 воевод, не считая ещё двоих в тылу у основной группировки. Какова была численность этой рати? Как сообщал Хронограф, против Сахиб-Гирея великий князь послал воеводу князя Д.Ф. Бельского и иных многих воевод «со многими людьми Московские земли и Новгородские»⁴⁴. Можно также с высокой степенью уверенности предположить, что в Москве решили не трогать «рязанскую силу» для организации казанского похода и она в полном составе также была приведена в готовность, как только поступили сведения о приближении крымцев. Значит, два компонента войска Д.Ф. Бельского определяются достаточно уверенно. Что же до «людей Московской земли», то, скорее всего, с И.В. Шуйским под Владимир ушли дети боярские восточных и северо-восточных «городов» (Ярославль, Кострома, Владимир, Галич, Муром и др.), тогда как остальные, соответственно, отправились под знамёна Д.Ф. Бельского. Можно предположить, что под началом князя Дмитрия на «берегу» собралось до 19,5—22,5 тыс. детей боярских и их послужилцев. К этому необходимо добавить также некоторое число пищальников и даточных людей. В итоге, по моему мнению, русское войско на Оке имело максимум 25—30 тысяч ратных людей (без учёта кошевых)⁴⁵. Следовательно, неприятель имел значительное численное превосходство. К тому же

Сахиб-Гирей держал свои «полки» в кулаке, тогда как русские были «размазаны» вдоль всей Оки от Калуги до Рязани и от Пахры до Зарайска, Белева и Тулы⁴⁶. В этой ситуации фактор времени и внезапности приобретал особое значение. Ведь если хан неожиданно и превосходящими силами атаковал бы русские позиции на Оке, вряд ли воеводы сумели бы отразить его натиск, тем более что в татарском войске была и артиллерия, и пехота, вооружённая огнестрельным оружием. Понимая это, И.Ф. Бельский решил отложить экспедицию на Казань. Именем великого князя он приказал И.В. Шуйскому во Владимире изготовиться к выступлению на помощь «береговой» рати. Бывшему казанскому «царю» Шах-Али, что находился на Мещере, и воеводе Ф.И. Шуйскому в Костроме также было приказано идти спешно во Владимир⁴⁷.

Тем временем хан, переправившись через Северский Донец⁴⁸, пошёл на север, стремясь оставить Тульскую крепость слева от себя. Это его намерение не осталось незамеченным русскими. Вслед за Гаврилой Толмачом в столицу «пригнал» другой станичник, Алексей Кутюков, сообщивший, что он «видел на сей стороне Дону на Сновах многих людей, шли через всю день полки, а конца им не дождался...»⁴⁹. Из сообщений станичников следовало, что хан идёт на Москву кружным путём, на Коломну. Его замысел стал окончательно ясен 28 июля, когда Сахиб-Гирей с ратью приступил к стенам Зарайска⁵⁰. Эта крепость, несмотря на свои относительно небольшие размеры, представляла в то время внушительное сооружение, защищённое не только мощными каменно-кирпичными стенами и башнями с многочисленными бойницами для артиллерии и пищалей, но и изрезанной балками и оврагами местностью⁵¹. Зарайский кремль, перекрывавший путь к Оке, для хана и его мурз оказался неприятным сюрпризом. Татары с ходу попытались овладеть крепостью, но зарайский воевода Н. Глебов, несмотря на то что «полк» воевод князей С.И. Микулинского-Пункова и В.С. Серебряного был оттянут по приказу из Москвы к Оке, вместе с севшими в осаду немногочисленными детьми боярскими, горожанами и поселянами, отбил приступ. Более того, в плен взяли и отправили в Москву 9 татарских воинов.

На допросе пленники показали, что «царь пришел с сыном, и со многими людьми Крымскими и с Турскими и с Нагайскими, и князь Семен Бельской, и многие люди прибыльные, и с великим нарядом пушечным и пищальным, а хочет реку прелести с великою похвалою и со мноюю гордостью Московские места повоевати»⁵². На спешно собранном заседании Боярской думы после долгих споров было принято решение: малолетний великий князь (Ивану в ту пору шёл 8-й год) и его брат остаются в Москве⁵³. Город же переводился на осадное положение⁵⁴. Также решили спешно усилить рать Д.Ф. Бельского. С этой целью на соединение с ним был отправлен «полк» «царевича» Шах-Али и князя Ю.М. Булгакова. Приказ выступать на Оку отправили во Владимир и князю И.В. Шуйскому⁵⁵. Оголившуюся было тыловую позицию на Пахре заняли срочно отправленным из Москвы двором великого князя под началом трёх воевод⁵⁶.

Тем временем Д.Ф. Бельский начал «разряжати полки» — воеводам разослали приказы срочно сниматься с мест и идти под Коломну, в район заброшенного старинного города Ростиславля⁵⁷. Здесь ожидалась попытка противника форсировать Оку. 30 вёрст, что отделяли Зарайск от Ростиславля, татары без особого труда могли преодолеть менее чем за день, и неудивительно, что ранним утром (в «третьем часу дни»⁵⁸, т.е. в девятом часу утра) в субботу 30 июля передовые части татарского войска вышли на берег Оки. Здесь их уже ожидали сотни передового полка под началом воевод князей И.И. Турунтая Пронского и В.Ф. Охлябина, успевшие опередить неприятеля⁵⁹.

Обозрев с высокого холма, на котором Сахиб-Гирей приказал разбить свою ставку, расположение неприятельских сил, хан остался доволен: казалось, его план заставить русских врасплох и разбить их по частям сбывался. Противостоявшая ему утром 30 июля русская рать отнюдь не выглядела многочисленной. Не было видно и русской артиллерии с пищальниками. Всё складывалось как нельзя лучше, и Сахиб-Гирей приказал своим воинам начинать переправу⁶⁰. Однако русские ратники отбили первую атаку⁶¹. Сахиб-Гирей, поняв, что преодолеть реку сразу не получится, приказал пустить в ход артиллерию и послал вперёд своих стрелков-тюфенчи⁶².

Дальше русские источники описывают ход сражения невнятно. Ясно, что малочисленный передовой полк не мог долго сдерживать попытки неприятеля под прикрытием огня артиллерии и стрелков переправиться через реку, тем более если татары знали брод. Изнемогая под давлением превосходивших сил неприятеля, осыпаемый градом стрел, пуль и ядер, полк начал подаваться назад, давая «берег» татарам. Ещё немного и, казалось, трагедия была бы неизбежна. Однако в этот критический момент на подмогу ратникам воевод И.И. Турунтая Пронского и В.Ф. Охлябина «приидоша на берег изо всех полков немногие люди на пособь к передовому плыку, и отбиша татар от берега, и начаша поносити татаром и берега просити»⁶³. Согласно другой версии, изложенной в одном из списков Никоновской летописи, на помощь передовому полку подоспели сотни полка воевод князей С.И. Микулинского-Пункова и В.С. Серебряного, что стоял ранее у Зарайска. Спустя некоторое время на берегу объявился с частью большого полка воевода князь М.И. Кубенский, потом другая его часть во главе с князем И.М. Шуйским и, наконец, главные силы полка с самим Д.Ф. Бельским⁶⁴. Таким образом, на северном берегу Оки собралось до 8000—10 000 ратных людей, разбить которых быстро и без серьёзных потерь уже не представлялось возможным. Вместе с большим полком подошла и часть «наряда», который вступил в дело и «многих татар побиша царевых добре и у турок многие пушки разбиша»⁶⁵.

Ситуация на окском берегу начала постепенно изменяться не в пользу татар. Судьба битвы повисла буквально на волоске, и именно в этот критический момент Сахиб-Гирей проявил непохожую на него осторожность и нерешительность. Эта задержка, причиной которой, согласно русским летописям, стал страх, внезапно напавший на хана при виде готовых к бою русских ратников⁶⁶, в конечном итоге дорого стоила крымскому «царю». Появление русского войска серьёзно обеспокоило Сахиб-Гирея. Ведь по его расчётам их не должно было здесь быть, а тут идут «кийждо воеводы в своем полку; и пришли против царя, и начаша ставитися и людей уставливати»⁶⁷. Крымский «царь» потребовал ответа от своих советников: как получилось так, что он шёл на Оку, рассчитывая беспрепят-

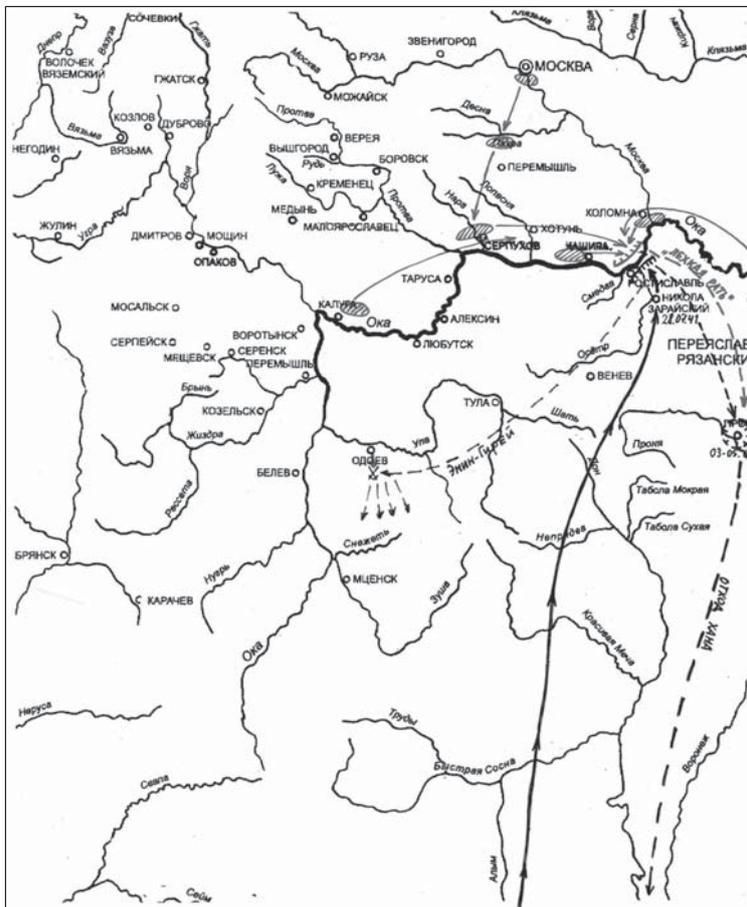
ственно (ведь русская рать уже отправилась под Казань!) переправиться через неё, а тут на том берегу появляются всё новые и новые сотни русских детей боярских⁶⁸.

Пока в ханской ставке шли препирательства, к вечеру 30 июля на берегу собрались против татарского войска уже практически все полки Д.Ф. Бельского (летописи не называют в числе прибывших только сторожевой полк воевод князей Ю.И. Темкина Ростовского и В.В. Чулка Ушатого). Ожидался подход с Угры полка князя Р.И. Одоевского и И.П. Фёдорова Челябинна (ещё около 2000—2500 всадников)⁶⁹. В ночь на 31 июля «пришел великого князя большой наряд, и повелеша воеводы пропущати пушки большие и пищали к утру готовить...». Судя по всему, тогда же к месту дневного сражения прибыла и рязанская рать во главе с воеводой М.А. Трубецким «со товарищи» (около 2000 ратников)⁷⁰.

С их подходом, не оставшимся незамеченным татарскими заставами, хану стало очевидно — его план беспрепятственно форсировать Оку не удался. Поразмыслив и прикинув шансы на успех, хан отдал приказ начать отход. Под покровом ночи, «пушки и пищали пометаша и телеги и всякую рухляди воискои»⁷¹, татары начали поспешное отступление. Летописец, стремясь подчеркнуть эффект от одержанной над неприятелем победы, писал, что Сахиб-Гирей «побеже с великим страхованием, не можааше и на конь седеши, и повезоша его в телеге»⁷².

Так рисуют события русские источники. Со стороны неприятеля картина выглядела несколько иначе, и сведения, сообщаемые Реммалем-ходжой, позволяют понять, почему медлил Сахиб-Гирей. Главной причиной провала этой экспедиции хронист называл Баки-бия, ногайского аристократа, одного из главных действующих лиц драмы. Известный своим неукротимым характером, храбростью и честолюбием, Баки-бий был знатнейшим «князем» мангытов, одного из влиятельнейших и сильнейших ногайских кланов. В своё время он оказал большую услугу Сахиб-Гирею, убив мятежного брата хана Ислам-Гирея. За это мангыт был осыпан ханскими милостями и приближен к «царю».

Однако расчёты хана не оправдались. Сахиб-Гирей очень скоро понял, что в лице ногайского «князя» он обрёл соперни-

Карта 2. Стояние на Оке и отступление Сахиб-Гирея

ка едва ли не более опасно, чем Ислам-Гирей. Неприязненные отношения между ним и Баки-бием, подогреваемые ширинами и прочими крымскими карачу-беками, не испытывавшими восторга от стремительного возвышения главы мангытов, сохранились. И вот, когда татарское войско вышло к Оке и начало переправу через реку, «доброхоты» донесли Сахиб-Гирею, что - де мангытский «князь» готовится убить его во время переправы. Крымский «царь» потребовал от Баки-бия, чтобы тот во главе своей дружины первым начал переправу, но получил отказ. Пытаясь заставить ногая выполнить приказ, Сахиб-Гирей раз за разом посылал гонцов, но безрезультатно — потомок Едигея все не собирался класть головы своих нокеров ради своего дяди. Пока они переругивались, наступил вечер, а наутро оказалось, что левый берег Оки полон русскими, установившими напротив брода свою многочисленную артиллерию⁷³. Сахиб-Гирею стало

очевидно, что без больших потерь форсировать реку не удастся, и он приказал поворачивать назад.

Если сопоставить описания сражения с той и с другой сторон, всё встаёт на свои места. Сам по себе передовой полк князем И.И. Турунтаем Пронского и В.Ф. Охлябинина, насчитывавший не более 1—1,5 тыс. всадников, недолго смог бы сдерживать неприятеля. Русским ратникам оставалось или отступить, или же испытать смертную чашу. Однако здесь в ход сражения вмешался форс-мажор — разногласия между Сахиб-Гиреем и Баки-бием. Заминка оказалась фатальной: пока татарские вожди выясняли отношения, к берегу стали подходить основные силы русской рати. Время для переправы было упущено, и хану ничего не оставалось, как отступить.

На обратном пути, пытаясь сохранить лицо, хан решил попытаться взять пограничную крепость Пронск, «да не ркут люди

что царь приходил на Рускую землю, а Руси не учинил ничего»⁷⁴. К нему Сахиб-Гирей подошёл 3 августа, преодолев за 3 дня около 120 км. Не очень это похоже на поспешное отступление — обычный темп марша татарского войска, обременённого обозом. В случае если хан действительно отходил быстро, то его рати могли проделать за сутки как минимум вдвое больше⁷⁵. Такое поведение хана вполне объяснимо — он не чувствовал за своей спиной дыхания преследователей. Русские воеводы, отбив попытку неприятеля переправиться через Оку, вели себя очень осторожно⁷⁶. Обнаружив отход татар, они выслали вперёд разведку, которая сообщила, что хан отходит той же дорогой, что и шёл в Москву. Узнав об этом, Д.Ф. Бельский и другие «воеводы же начаша съездовати: всеми ли людьми за реку полести, за царем поити? Ино обычай в ратех държит что всеми людьми в погоню не ходят»⁷⁷. В итоге решено было отправить в погоню за ханом князей С.И. Микулинского-Пункова и В.С. Серебряного, «а с ними многих людей выбрав изо всех полков дворовых и городовых»⁷⁸. Главные же силы русского войска остались пока на Оке в ожидании вестей.

Долго ждать их не пришлось, ибо «веводы же великого князя, идучи за царем, осталцов многих татар побии, а иных живых татар поймав да к болшим воеводам, к князю Дмитрию Федоровичю Белскому отослали...»⁷⁹. Взятые с бою «языки» показали — хан идёт к Пронску «с всеми силами и с нарядом»⁸⁰. «Большие воеводы» среагировали на это известие быстро и адекватно. Вдогонку за «лехкой ратью» были посланы воеводы князя Ю.А. Оболенский Пенинский и В.С. Мезецкий «с многими людьми» и рязанцы⁸¹. Всего посланная на помощь Пронску рать должна была иметь до 4000—6000 всадников, «выбранных изо всех полков», то есть лучших, испытанных бойцов, отменно экипированных и снаряжённых, каждый из которых стоил двух обычных ратников.

Тем временем Сахиб-Гирей, оторвавшись от русских по меньшей мере на один, а то и на два дневных перехода, подступил к Пронску. Деревянный город, оборону которого возглавили воеводы В. Жулебин и А. Кобяков «не с многими людьми», которым помогали горожане и жители окрестных сёл и деревень, сбежавшиеся под защиту стен Пронска, пред-

ставлял собой крепость, взять которую с налёта было крайне сложно.

Хан разбил свою ставку «за рекою за Пронкою близко города, а войску велел приступати к городу с пушками и с пищалми и градобитными снарядами»⁸². В течение всего дня 3 августа «татарове приступиша всеми полки к городу, ис пушек и ис пищалей начала по городу бити, а стрелы их аки дождь полетеша, и к стенам града приближишися; з града же против начаша пушки и пищали на татар пушцати, а которые татарове к стене приступиша, и тех з города кольем и камением отбиша»⁸³. Когда все татарские атаки были отбиты, Сахиб-Гирей предложил прончанам сдаться. Их ответ был отрицательным, и хан был вынужден отдать приказ своим воинам готовиться к правильной осаде. Готовились к новому штурму и защитники города⁸⁴.

В подготовке к новому бою прошло 4 августа, и тут в город пробрались посланцы воевод С.И. Микулинского-Пункова и В.С. Серебряного. Они сообщили, что воеводы просят прончан «сидеть крепко», а они, воеводы, пойдут «к городу наспех со многими людьми и хотим с царем дело делати, сколко нам Бог поможет»⁸⁵. Эта весть приободрила осадных сидельцев. Тем временем в руки татар попал один прончанин, который сообщил им о том, что на помощь осаждённому городу идёт большая русская рать. К этому «царские» сторожи добавили, что на пути к ханской ставке они видели русские разьезды.

Это известие неприятно поразило хана. Приказав уничтожить весь изготовленный к тому времени осадный «наряд», утром 6 августа он снялся с лагеря и поспешил к Дону. Подошедшие спустя некоторое время к Пронску русские воеводы обнаружили лишь брошенный татарский лагерь, остывшие угли, следы от тысяч копыт и тележные колеи, уводившие к югу. Не теряя времени, воеводы поспешили вдогонку, но, подойдя к Дону, обнаружили, что «царь уже Дон переезжая». Отправив за ним сторожи, воеводы «возвратишася и приидоша к великому князю на Москву все здоровы»⁸⁶.

Пока хан безуспешно осаждал Пронск, в эти же дни под Одоевым разыгрался последний эпизод драмы. Калга Эмин-Гирей, недовольный отсутствием какой-либо добычи, решил попытаться счастья самостоятель-

но. Отделившись от отца, он со своими людьми направился под Одоев⁸⁷. Навстречу калге выступил из Одоева удельный князь В.И. Воротынский «с своею братию» (надо полагать, что в этом походе принял участие и юный М.И. Воротынский, будущий герой сражения при Молодях в 1572 г., которому было тогда около 15 лет) и наголову разгромил неприятеля, а взятых 45 пленных татар отослал в Москву как знак своей победы⁸⁸.

Известия о победе и отступлении хана и его ратей были с облегчением встречены в Москве. Гроза миновала. «И бысть тогда радость на Москве велия, — и государь бояр и воевод жаловал великим своим жалованием, шубами и купки»⁸⁹.

Конечно, полностью снять угрозу с юга победой в «стоянии на Оке» не удалось, и уже на следующий год несколько татарских мурз пришли под Зарайск, а в декабре 1543 года Эмин-Гирей пришёл под Белев и Одоев⁹⁰. Однако это были обычные, рядовые набеги. Урок, полученный в июльские дни 1541 года, Сахиб-Гирей усвоил хорошо и на новое нашествие так и не решился до самой смерти.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). М., 2009. Т. XXIX. С. 40, 41; Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (Никоновская летопись) // Там же. М., 2000. Т. XIII. С. 99—114, 137—139; Львовская летопись // Там же. М., 2005. Т. XX. С. 457—459; Пискаревский летописец // Там же. М., 1978. Т. 34. С. 173—177; Продолжение летописи по Воскресенскому списку // Там же. М., 2001. Т. VIII. С. 295—301; Псковская 1-я летопись // Там же. М., 2003. Т. V. Ч. I. С. 111; Русский хронограф // Там же. М., 2005. Т. XXII. С. 524, 525; Тихомиров М.Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. // Исторические записки. 1941. Т. 10. С. 90; Холмогорская летопись // ПСРЛ. Л., 1977. Т. 33. С. 136; Шмидт С.О. Продолжение хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. М.; Л., 1951. Т. VII. С. 288, 289.

² Милоков П.Н. Древнейшая разрядная книга (ДРК) официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901. С. 113, 114; Разрядная книга (РК) 1475—1598. М., 1966. С. 101—103; РК 1475—1605. М., 1977. Т. I. Ч. II. С. 290—298.

³ См., например: Акты, относящиеся до истории Западной России, собранные и изданные Археологическою Коммиссиею (АЗР). СПб., 1848. Т. II. С. 375, 377, 378, 381—383; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Ч. 2 (1533—1560) // Сборник Русского императорского исторического общества (СБРИО). СПб., 1887. Т. 59. С. 180.

⁴ Лето действительно было холодным. Холмогорская летопись отмечала, что «тое ж весны зима была долга, а река плыла в Петрово говенье...». См.: ПСРЛ. Т. 33. С. 136; Двинской летописец // Там же. С. 167. Таким образом, ледоход на Северной Двине начался 29 июня.

⁵ В самой последней работе по истории времён «боярского правления» — монументальном исследовании М.М. Крома «Вдовствующее царство...» этому событию отведено всего лишь несколько строк. См.: «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30—40-х годов XVI века. М., 2010. С. 270, 271, 273.

⁶ АЗР. Т. II. С. 341; Кром М.М. Судьба авантюриста: князь Семён Фёдорович Бельский // Очерки феодальной России. Вып. 4. М., 2000. С. 112.

⁷ Лызов А.И. Скифская история. М., 1990. С. 139, 140.

⁸ См., например: Татищев В.Н. История Российская. М., 1848. Кн. 5. С. 234, 244; Щербатов М.М. История Российская от древнейших времён. СПб., 1786. Т. V. Ч. I. С. 145—160.

⁹ См., например: Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Т. VIII. Кн. II. Стб. 38—43; Примечания. Стб. 18—19; Полевой Н.А. История русского народа. М., 1997. Т. 3. С. 406—408.

¹⁰ Иловайский Д.И. История России. Т. III. Московско-царский период. Первая половина или XVI век. М., 1890. С. 163, 164; Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Т. VI // Соловьёв С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. М., 1989. Кн. III. С. 430—433.

¹¹ Скрынников Р.Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. Смоленск, 1996. Т. I; Он же. Царство террора. СПб., 1992.

¹² Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 259, 260. Ср.: Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времени Ивана Грозного. М., 1982. С. 35. Ср.: Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 2003. С. 30, 31.

¹³ Волков В.А. Войны и войска Московского государства. М., 2004. С. 106—109; Загорский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991; Караев В.В. На степной границе. Оборона «крымской Украины» Русского государства в первой половине XVI столетия. М., 1974. С. 94—100.

¹⁴ Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты. М., 2005. Т. I. С. 314, 315.

¹⁵ См., например: ДПК. С. 103, 104. ПСРЛ. Т. XIII. С. 121; Т. XXIX. С. 31.

¹⁶ См., например: Там же. Т. VIII. С. 295. См.: РК 1475—1605. Т. I. Ч. II. С. 294.

¹⁷ Флоря Б.Н. Две грамоты хана Сахиб-Гирея // Славяне и их соседи. Вып. № 10. М., 2001. С. 237—239.

¹⁸ См., например: ПСРЛ. Т. XIII. С. 130.

¹⁹ Там же.

²⁰ РК 1475—1598. С. 98.

²¹ Остапчук В. Хроника Реммала Ходжи... «История Сагиб Герей хана» как источник по крымско-татарским походам // Историко-этнографический журнал // Историческое наследие истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223—1556. Казань, 2001. С. 398, 409, 410; ПСРЛ. Т. XIII. С. 130.

²² До наших дней сохранился перечень подарков, розданных в Крыму Бельскому хану, его сановникам и слугам, и письмо князя, адресованное Сигизмунду, в котором тот расписывал свои заслуги перед великим литовским князем в предотвращении татарских набегов на Литву и организации похода татар на владения Василия III. См.: АЗР. Т. II. С. 377, 378, 381, 382.

²³ Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV — первая половина XVI вв.). М., 2004. С. 142. Реммал-ходжа далее писал, что окружавшие хана мурзы весьма обрадовались этому предложению князя, поскольку «если бы тот брод был нам известен, то Московское государство давно было бы наше; этому только и препятствовала река Ока». (См.: Там же. С. 143).

²⁴ Там же.

²⁵ См., например: ПСРЛ. Т. XXIX. С. 36—39. О контактах Москвы и Крыма в это время см. также: Белокуров С.А. О Посольском приказе. М., 1906. С. 103, 104.

²⁶ Примером такого распоряжения может служить грамота Ивана IV можайскому воеводе князю А.П. Телятевскому, датированная летом 1568 г. См.: АСЗ. М., 1997. Т. I. С. 25.

²⁷ Там же.

²⁸ ПСРЛ. Т. XIII. С. 100, 101.

²⁹ Там же. С. 101.

³⁰ АЗР. Т. II. С. 375.

³¹ ПСРЛ. Т. XX. С. 457.

³² Там же. Т. XIII. С. 137.

³³ Там же. С. 296.

³⁴ Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2002. С. 227; Inalchik H. The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray I // Harvard Ukrainian Studies. Vol. III—IV. Part I. 1979—1980. P. 457, 459.

³⁵ Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2006. С. 141; Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994. С. 66; Остапчук В. Указ. соч. С. 405; Продолжение Древней Российской Вивлиофики. СПб., 1793. Ч. VIII. С. 150; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией. Т. II. 1508—1521 гг. // СБРИО. Т. 95. СПб., 1895. С. 40; Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: от союза к противостоанию. Конец XV — начало XVI вв. М., 2001. С. 96; Inalchik H. Op. cit. P. 448.

³⁶ Остапчук В. Указ. соч. С. 403, 410; Inalchik H. Op. cit. P. 459.

³⁷ ПСРЛ. Т. XX. С. 457.

³⁸ РК 1475—1598. С. 101, 102.

³⁹ См., например: ПСРЛ. Т. XIII. С. 101. Основная часть двора осталась пока в Москве. Позднее она под началом 3-х воевод также уйдёт на «берег» (Там же. Т. XXIX. С. 41).

⁴⁰ РК 1475—1605. Т. I. Ч. II. С. 297.

⁴¹ Там же. С. 296, 297.

⁴² Там же. С. 296.

⁴³ ПСРЛ. Т. XXII. С. 524, 525.

⁴⁴ Подсчитано автором по: Аграрная история северо-запада России. Новгородские пятины. М., 1974. С. 91, 117, 119, 133, 145—147, 188, 199, 200, 135—237, 270; Базилевич К.В. Новгородские помещики из послужильцев в конце XV века // Исторические записки. 1945. Т. 14. С. 62; Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. I. С. 290; Записная книга Полоцкого похода // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 128; Памятники истории Восточной Европы. М.; Варшава, 2002. Т. VI. С. 115, 116; Писцовая книга Тверского уезда письма Ивана Петровича Заболоцкого и Михаила Ивановны сына Усова Татищева // Писцовые материалы Тверского уезда XVI века. М., 2005. С. 13—143 и др.

⁴⁵ Очевидно, что это обстоятельство было одним из главных соображений, лёгших в основу плана кампании, разработанного Сахиб-Гиреем и его советниками. (См., например: Остапчук В. Указ. соч. С. 398)

⁴⁶ ПСРЛ. Т. VIII. С. 296. В районе Костромы ещё в конце зимы были собраны крупные силы — до 3,5 тыс. ратных людей. (См.: РК 1475—1605. Т. I. Ч. II. С. 292, 293) Вместе с полками И.В. Шуйского (до 4500) и мешерской ратью (порядка 2000—3000) это составляло около 10—11 тыс. ратных людей, что позволяло достичь численного равенства с татарами.

⁴⁷ Можно предположить по аналогии с событиями 1555 г., что ханское войско «лезло» через Донец в нескольких местах одновременно: вероятно, между нынешними Змиевым и Изюмом, где находилось 4 брода через реку. (См., например: ДПК. С. 172)

⁴⁸ ПСРЛ. Т. XIII. С. 101, 102.

⁴⁹ Там же. Т. XXIX. С. 40.

⁵⁰ Косточкин В.В. Русское оборонное зодчество конца XIII — начала XVI ввек. М., 1962. С. 65, 66, 83, 85

⁵¹ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 40.

⁵² Там же. Т. VIII. С. 297, 298.

⁵³ Там же. Т. XIII. С. 105.

⁵⁴ РК 1475—1605. Т. I. Ч. II. С. 296.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. XX. С. 458; Т. XXIX. С. 41.

⁵⁶ РК 1475—1605. Т. I. Ч. II. С. 295. Здесь находился один из немногих бродов через Оку. (См.: ДПК. С. 77, 81, 87) Князь Семён Бельский знал эти места. В 1529 г. он был воеводой на берегу и возглавлял заставу, выставленную на броде близ устья Осетра. (См.: Там же. С. 79) Неподалёку находился и другой брод — у заброшенного Ростиславля. Поэтому можно предположить, что появление татар здесь не было случайным.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. XIII. С. 108.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. Т. VIII. С. 299.

⁶⁰ Некоторое представление о том, как выглядел этот бой, может дать описание схожего случая, что дал в своей «Истории» А.М. Курбский. (См.: Курбский А.М. История Иоанна Грозного // Устрялов Н.Г. Сказания князя Курбского. СПб., 1868. С. 30, 31)

⁶¹ ПСРЛ. Т. VIII. С. 299. Ср.: Там же. Т. XX. С. 458.

⁶² Там же. Т. VIII. С. 300.

⁶³ Там же. С. 109.

⁶⁴ Там же. Т. XXIX. С. 41.

⁶⁵ Там же. Т. XIII. С. 110.

⁶⁶ Там же. Т. XIII. С. 109.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же. С. 109, 110.

⁶⁹ Там же. Т. VIII. С. 300.

⁷⁰ Там же. Т. XXIX. С. 41.

⁷¹ Там же. Т. VIII. С. 300.

⁷² Остапчук В. Указ. соч. С. 398; Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты. Т. I. С. 314.

⁷³ ПСРЛ. Т. VIII. С. 300.

⁷⁴ Там же. Т. XIII. С. 258.

⁷⁵ Там же. Т. VIII. С. 300.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же. Т. XIII. С. 111; Т. XX. С. 458.

⁷⁸ Там же. Т. VIII. С. 300.

⁷⁹ Там же. Т. XIII. С. 112.

⁸⁰ Там же. Т. VIII. С. 300, 301; Т. XIII. С. 112; РК 1475—1605. Т. I. Ч. II. С. 297, 298.

⁸¹ ПСРЛ. Т. VIII. С. 301.

⁸² Там же; Носов К.С. Русские крепости и осадная техника VIII—XVII вв. СПб., 2003. С. 68.

⁸³ ПСРЛ. Т. XIII. С. 113.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же. С. 113, 114.

⁸⁶ Там же. С. 139.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 140.

⁸⁹ ПСРЛ. Т. XIII. С. 143, 146; Т. XX. С. 459, 460, 463.

В.В. ПЕНСКОЙ